

«ЖЕНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ» И ТРАДИЦИИ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

А. В. Белова

Статья посвящена не исследованной проблеме женской повседневности в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в. в контексте новых направлений российской историографии – истории повседневности, женской и гендерной истории. Опираясь на женскую автодокументальную традицию (мемуары, дневники, письма), автор уточняет значение исторического и этнологического изучения повседневной жизни российских дворянок для проекта антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории.

Ключевые слова: женская повседневность, история повседневности, гендер, этнология и антропология дворянской культуры, традиционная культура

Изучение повседневного быта, динамики его изменений, особенностей и содержания в прошлом и настоящем – новое важное направление современного исследовательского поиска. Гендерный фактор и его влияние на содержание структур повседневного – ещё более актуальная область в познании обыденного в разные исторические эпохи. Аналитическая работа над источниками с учётом воздействия этого фактора на процессы и явления позволяет понять то, как люди проводили свою жизнь изо дня в день, выявить различия в их социальном статусе, имущественном и правовом положении, уровне образованности и интеллектуальных запросов, степени религиозности, приверженности этнокультурным традициям, т. е. приблизиться к пониманию основных параметров ежедневного бытия мужчин и женщин.

Цель данной статьи – в выяснении перспектив изучения женской дворянской повседневности XVIII – середины XIX в. для проекта антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории и исторической этнологии сословий. Важно проанализировать роль женской дворянской повседневности в механизмах формирования культурных традиций в контексте проблемы функционирования дворянской культуры России.

Содержание повседневной жизни женщины является темой, через которую мы понимаем женскую личность определённой эпохи, поскольку «повседневность» – это самое типичное, привычное, незамечаемое, ритуализованное, в конечном счёте – это устойчивые стили жизни, подлежащие,

однако, в отличие от близкого по смыслу «быта», субъективному переживанию и рефлексии. В данном случае под женской повседневностью понимаются способы проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализированного женского опыта (как от-рефлектированного, так и неотрефлектированного, т. е. ментального, как вербального, так и невербального – телесного, эмоционального, – а также культурно-символического, хозяйственного, религиозного, сексуального и другого)¹. Важно подчеркнуть, что даже в рамках таких значимых в этнологическом и социологическом дискурсах институтов, как, например, родство, брак, семья и другие, собственно женский опыт отличался разнообразием реакций, часто выходил за рамки предписываемых практик и «нормативных» поведенческих стратегий. «Неинституционализированный опыт» только и был специфически женским, ввиду того, что опыт женщин в рамках того или иного социального института, конституируемого мужчинами, в чистом виде таковым не являлся.

Поскольку отчасти проблематика, связанная с описанием отдельных сторон быта, которую сейчас можно отнести к истории дворянской повседневности, рассматривалась в русле традиционной историографии, стоит дать резюме этого изучения. Сразу скажу, что российскому дворянству не слишком повезло в плане историко-этнологического анализа. В досоветской историографии (1800–1917 гг.) в центре внимания этнографов в основном находилось крестьянство, в отношении же дворянства большинство исторических работ было посвящено исследованию правового статуса привилегированного сословия², а не собственно дворянского быта³. В советской историографии (1917–1985 гг.) «дворянская тема» оказалась чуть ли не под запретом, особенно черты быта, связанные с конфессиональной принадлежностью к православной вере и духовной жизнью образованной части русского дворянского общества. Максимум, что мог позволить себе историк в советское время, – это изучение социальной политики абсолютизма в отношении дворянства⁴ и крепостной экономики дворянского хо-

¹ Подробнее см.: *Белова А. В.* Понятие «повседневность»: историческое содержание и культурные смыслы // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2007. Вып. 3. *Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010.

² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1909; *Кизеветтер А. А.* Русское общество в XVIII столетии. Ростов н/Д, 1905; *Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие, 1762–1885. СПб., 1906; *Романович-Славятинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912; *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

³ *Богословский М. М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906; *Чечулин Н. Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: Исторический очерк. СПб., 1889.

⁴ *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке: Формирование бюрократии. М., 1974; *Он же.* Россия в XVIII веке: Сб. ст. и публикаций. М., 1982.

зйства⁵. Социокультурное взаимодействие дворянства и крестьянства вообще фактически не проблематизировалось⁶, а постулировалось как однозначно негативное отношение «господствующего класса» к «эксплуатируемому». В отдельных работах по дворянскому быту, появившихся в постсоветское время (1986–2009 гг.), преследуется цель популяризации и потому описательность часто подменяет научный анализ.

В настоящий момент научная актуальность этнографического изучения повседневного быта российского дворянства не вызывает сомнений и определяется недостаточной исследованностью этнологического и антропологического измерения дворянской культуры, которая никогда не маркировалась как традиционная, а потому, за редким исключением⁷, не становилась объектом внимания этнологов. Вместе с тем этнологический интерес к дворянской культуре представляется оправданным не только с точки зрения исторической этнографии, в частности этнографии быта разных сословий, и истории повседневности, но и в контексте общей тенденции в развитии антропологического знания рубежа XX–XXI вв. к расширению предмета исследования: от незападных, дописьменных культур к культурам всех типов, вплоть до современных. При этом по-прежнему антропологов занимает, по меткому замечанию Н. Н. Козловой, «область повседневных взаимодействий в рамках жизненного мира человека»⁸, который предстаёт, как и в исследованиях по истории повседневности, «человеком с маленькой буквы». Систематическое изучение традиционно-бытовых компонентов дворянской культуры, т. е. обычаев, традиций, верований, искусства, обрядов, праздников, в особенности свадебной и родильной обрядности, анализ гендерной дифференциации жизненных циклов женщин и мужчин имеет существенное значение для исследования проблемы сохранения традиционного русского быта, укоренённость в котором (несмотря на внешнюю европеизированность и наряду с ней) составляла важную этнокультурную характеристику дворянского сообщества. При таком понимании повседневная жизнь провинциальных дворянок – это часть общей социально-культурной антропологии России XVIII – середины XIX в.

Гендерная составляющая проблемы обусловлена тем, что при видимой патриархатности дворянской культуры определяющую роль в функционировании и воспроизводстве традиционного быта играли жизненные прак-

⁵ Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сб. ст., посв. памяти А. А. Новосельского. М., 1975.

⁶ Отдельные работы, появившиеся в досоветское время и в период так называемого «золотого десятилетия российского краеведения» (1917–1929 гг.), затрагивали аспект межсословных отношений в связи с изучением биографии А. С. Пушкина. См.: *Смиречанский В. Д.* Дворовые и соседи А. С. Пушкина в Михайловском в 1825 г. // Из Псковской старины. Псков, 1916. Т. 1; *Щеголев П. Е.* Пушкин и мужики. М., 1928.

⁷ См.: *Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в.; *Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.

⁸ *Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология. М., 1998. С. 14.

тики и ежедневные опыты женщин. Поэтому в результате этногендерного анализа повседневного быта российских дворянок можно приблизиться к решению целого ряда важных проблем, связанных с этнологическим и социоантропологическим прошлым, таких, как: проблема механизмов формирования и транслирования национальных культурных традиций, проблема этно- и социокультурной природы дворянства, проблема дворянской ментальности, проблема механизмов внутренней консолидации дворянской общности, проблема этнокультурного взаимодействия дворянства и крестьянства. При незавершённости (в отличие от западных историографий) процесса институционализации истории повседневности как одного из направлений в российской исторической науке, при неразработанности понятия «повседневность» и соотношения истории повседневности с этнологией, при отсутствии полномасштабных комплексных исследований повседневных практик и структур повседневности представительниц и представителей отдельных групп и слоёв дворянского сообщества проблема этнологии и гендерной антропологии женской дворянской повседневности, выявления динамики повседневных опытов дворянок с учётом влияния не только и не столько европеизации, сколько традиционных этнокультурных факторов на протяжении полуторавекового господства структур крепостного хозяйства в Российской империи представляется своевременной и особенно значимой.

Само понятие «традиционная культура» применительно к российским реалиям имплицитно подразумевает народную, или крестьянскую культуру, культуру русской крестьянской общины и именно как синоним для обозначения этой культуры употребляется в трудах российских этнографов⁹. С крестьянской же культурой, в особенности с крестьянским костюмом, ассоциируется у этнографов и понятие «национального»¹⁰. При том, что у разных народов существуют различные социокультурные ассоциации с национальной культурой¹¹, обращает на себя внимание исключение отечественной этнографией российского дворянства из числа объектов изучения русской этничности. Эксклюзивным носителем национальной культурной традиции считалось и считается крестьянство с его специфическим жизненным и культурным укладом, приверженностью общинному началу и православному вероисповеданию.

Отчасти подобная ситуация предопределена известными особенностями историко-культурного развития России и связана со сложностью вопроса этнической идентификации дворянской культуры, вобравшей в себя множество иностранных «вливаний» как на генеалогическом, так и на мен-

⁹ См., напр.: *Бернитам Т. А.* Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991; *Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия* / Авт.-сост.: Н. Соснина, И. Шангина. СПб., 1998.

¹⁰ *Русский традиционный костюм...* С. 5.

¹¹ См., напр.: *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.

тальном уровне. Предпочитаемое автором употребление термина «русское» вместо «русское» применительно к дворянству снимает остроту проблемы «этнической чистоты» и указывает на формальную социокультурную общность, относящуюся к территории определённого государственного образования – Российской империи – и разделяющую статус подданства.

Возникает вопрос, справедливо ли вообще не рассматривать российское дворянство в качестве одного из носителей русской этничности? Дают ли для этого достаточно оснований рецепция дворянством элементов западноевропейских культур и «смешение кровей», подчас не «исконно русское» его происхождение, межэтнические браки? Не является ли более существенным и достоверным критерием в данном случае собственное осознание представителями российского дворянства этнической идентичности и воспроизводство определённых повседневных практик? Можно ли отказать российским дворянкам и дворянам в трансляции национальной традиции на основании того, что они (кстати, и не все) умели разговаривать, писать и читать на иностранных языках, носили западноевропейский костюм (хотя часто сшитый в России и даже в провинции)¹², да и носили-то его иначе и в других социально-бытовых условиях¹³, нежели европейцы?

Разумеется, нуждаются в уточнении критерии «традиционной культуры», позволяющие интерпретировать дворянскую культуру в качестве таковой. Характерно, что типология культур, основанная на разграничении так называемого традиционного и современного типов обществ, существует в этнокультурных исследованиях¹⁴, а изучение традиционных обществ изначально являлось, как известно, основным объектом исследования культурной антропологии, или этнологии¹⁵. В современной социально-исторической антропологии традиционное общество трактуется как «общество личной связи»¹⁶. При таком понимании дворянское сообщество, как утверждает Н. Н. Козлова, «составляет узкий (сначала абсолютно узкий, а потом относительно узкий) замкнутый круг, который создается в значительной степени на основе родственных связей»¹⁷. При этом «дворянин может делать ставки в тех социальных играх, которые недоступны крестьянину»¹⁸.

Ещё одно, отчасти созвучное предыдущему, объяснение, также представляющееся эвристически эффективным, было предложено Эдвардом Шортером, профессором истории в университетах Торонто и Монреаля,

¹² Из писем дворянок известно о невысоком качестве пошива женской одежды в провинции, а уж о том, насколько эта одежда соответствовала западноевропейским образцам, можно только догадываться.

¹³ Особенно, если сравнивать мостовые европейских городов и просёлочные российские дороги или бездорожье.

¹⁴ *Белик А. А.* Культурология: Антропологические теории культур. М., 1999. С. 14–16.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ *Козлова Н. Н.* Указ. соч. С. 63.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 65.

специалистом по истории семьи и социальной истории, в работе, которая в переводе с английского в оригинальном издании 1982 г. называлась «История женских тел», а в переводе с немецкого издания 1987 г., по признанию автора, «немного таинственно» – «Женское тело как судьба: к социальной истории женщины»¹⁹. Он употребляет термин «традиционный» для противопоставления мира деревень и маленьких городов Европы от XVII до конца XIX столетия «современному» миру, возникшему позднее. Для него, как и для многих других исследователей, очевидно, «насколько сильно жизнь там отличалась от позднейшей городской, индустриальной цивилизации»²⁰. При этом главное отличие заключено, по Э. Шортеру, в «основополагающих социальных правилах игры», совершенно непохожих на «современные» правила, вследствие чего он и настаивает на «специфическом “традиционном” образе жизни»²¹. Правда, как он уточняет, его внимание обращено к «жизни женщин из простого народа», выглядевшей совершенно по-другому в сравнении с элитой, изучением которой преимущественно занималась западная «история женщин»²². Российские же дворянки, создательницы и обитательницы «провинциальных миров», до сих пор не исследовались, в отличие от представительниц аналогичного социального статуса на Западе, в контексте анализа их «специфического традиционного образа жизни», их «жизненных миров», реконструируемых на основе их «собственного голоса», исходя из самоописания женских дворянских идентичностей в субъективных источниках, эго-документах.

Как вариант социальной истории, история повседневности принимает в расчёт целостное восприятие человеческой жизни в разных циклах – от рождения до смерти, через череду повторяющихся природных сезонов в течение каждого календарного года, с утра до вечера на протяжении суток. Несмотря на распространённый среди столичных жительниц²³ и поддерживаемый литературой²⁴ миф о провинциальной «скуке», женская повседневность в провинции²⁵ отличалась плюральностью практик: участие в

¹⁹ Shorter E. Der weibliche Körper als Schicksal: Zur Sozialgeschichte der Frau / Aus dem Amerikanischen von H. Kober. 2. Auflage. München; Zürich, 1987.

²⁰ Ibid. S. 12.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ «... милой сестрице Дарье Сергеевне кланяюсь, хоть бы она вас всех вз'манила побывать в нашу столицу повеселится нашими веселостями...» – так обращалась в письме к кашинской дворянке Елизавете Лихачевой жившая в Москве уроженка Санкт-Петербурга княжна Прасковья Долгорукова (Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 1221. Лихачевы – дворяне Кашинского уезда Тверской губернии. Оп. 1. Д. 89. Л. 60б.) Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация источника.

²⁴ «... Вздохнув, франтиха говорила, – / В Москве я пела и сама, / Но, к огорченью, все забыла. / В провинции сойти с ума / Не мудрено от страшной скуки; / Я здесь четвертый год живу, / ... / И не беру гитары в руки». (Пушкин В. Л. Капитан Храбров // Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 174.)

²⁵ Исследование проводилось на материалах более двух десятков родовых, семейных и личных фондов, архивов и коллекций ГАТО: дворян Аболешевых (ф. 1022), Апыхтиных (ф. 1403), Бакуниных (ф. 1407), Глебовых-Стрешневых (ф. 866), А. В. Кафтыревой (ф. 1233), Кожиных

обычае гостевания, принятом между соседями по имениям, координирование хозяйственной жизни дворянской усадьбы, попечение об образовании детей, следование требованиям религиозного благочестия в отношении себя и детей (в частности, дочерей), заботы о собственном здоровье и здоровье детей, регулярное ведение обширной переписки. Если добавить к этому время, необходимое для ежедневного приёма пищи и ухода за собой, и учесть, что в условиях усадебного быта день начинался и заканчивался раньше, чем в столицах, то станет ясно, что «обычный день» дворянки оказывался чрезвычайно насыщенным разными видами деятельности и эмоциональных реакций.

Гендерная специфика провинциальной повседневности была обусловлена фактором неизменного и преобладающего присутствия женщин²⁶. То, что московские дворянские семьи часто были «многодевичьими», подметил в своё время ещё князь П. А. Вяземский (1792–1878)²⁷. Это подтверждается, в частности, духовными завещаниями и распоряжениями, передававшими «законные по праву наследства части»²⁸ и «наличные деньги»²⁹, как было, например, в семье княгини Агафоклеи Николаевны Горчаковой, урождённой Бахметевой (1801/02 – не ранее 1883), и князя генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Горчакова (1793–1861), «четырёх дочерям... Варваре, Наталье, Софии и Ольге»³⁰. В Тверской губернии – провинции, расположенной между Санкт-Петербургом и Москвой, – упомянутое выше наблюдение современника также подтверждается документальными, генеалогическими и эпистолярными свидетельствами³¹. Уже в XVIII в. нередко были случаи, когда в дворянских семьях не просто дочерей было больше, но вообще при выяснении потенциальных наследников недвижимой собственности «сыновей и племянников и внучат родных сынових

(ф. 1222), Лихаревых (ф. 1063), Лихачёвых (ф. 1221), Мальковских (ф. 1066), Манзей (ф. 1016), Озеровых (ф. 1017), Постельниковых (ф. 1230), Суворовых (ф. 1041), Голенищевых-Кутузовых, Загряжских, Квашниных-Самариных, Кутузовых, Кушелевых, Лонских, Травинных, Трубниковых и др. в фонде Тверской ученой архивной комиссии (ф. 103); рукописной коллекции «Кашинское дворянство» Кашинского филиала Тверского государственного объединенного музея (далее – ТГОМ-КАШФ); десятка семейных и личных фондов Российского государственного архива древних актов (далее: РГАДА); дворян Мятлевых (ф. 1271), Самариных (ф. 1277), Сухотиных (ф. 1280) и Центрального исторического архива Москвы (далее – ЦИАМ): дворян А. З. и А. И. Апухтиных (ф. 1871), Бахметевых - Толстых (ф. 1845), Глебовых-Стрешневых (ф. 1614), В. Н. и С. Ф. Ладомирских (ф. 1327), И. М. Моторина (ф. 1749), Соймоновых (ф. 1870), А. А. и М. А. Шаховских (ф. 1887).

²⁶ Своего рода иконографической репрезентацией данного тезиса является работа неизвестного художника «Вид помещичьего дома с садом» (1830-е гг.). См., напр.: Русская культура: Популярная иллюстрированная энциклопедия / С. В. Стахорский. М., 2006. С. 695.

²⁷ Вяземский П. А. Московское семейство старого быта // Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки / Сост. Н. Г. Охотина; Вступ. ст. и прим. А. Л. Зорина и Н. Г. Охотина. М., 1988. С. 315.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1890. Л. 1об.

²⁹ Там же. Л. 2.

³⁰ Там же.

³¹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1об.–2, 12об., 15–15об, 23об. и др.

детей... не имелось»³². Симптоматично и щепетильное прописывание подобных ситуаций законодателем³³. У антропологов есть на этот счёт мнение о большей «затратности» мужчин в сообществе³⁴. Правда, на рубеже XVII–XVIII вв. встречались многодетные дворянские семьи, в которых были, напротив, одни сыновья³⁵.

Наряду с большим количеством дочерей в провинциальных дворянских семьях роль главы зачастую тоже принадлежала женщине. При наличии в семье нескольких поколений это была старшая женщина: бабушка³⁶, мать³⁷ или старшая сестра³⁸. Мотивацией могли служить разные обстоятельства объективного и субъективного характера, например, отсутствие мужчины в семье³⁹, или, при его наличии, длительное нахождение его вне дома⁴⁰ и даже проживание вдали от семьи в связи со служебной занятостью⁴¹, или другие особые обстоятельства, в силу которых дворянка могла занимать лидирующую позицию в семье. «Женское» главенство, как и мужское, основывалось на обладании недвижимой собственностью и, прежде всего, на возможности самостоятельно (единолично) распоряжаться экономическими ресурсами семьи⁴². Наряду с сосредоточением в руках дворянки хозяйственных функций, вокруг неё, как правило, концентрировались коммуникативные связи семьи, о чём свидетельствует преобладание женских писем в составе семейной переписки провинциального дворянст-

³² ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1597. Л. 12 об.

³³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. 1. Т. 5. № 2789. Указ о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах от 23 марта 1714 г. П. III.2., III.7; Истолкование Сенатом закона о выкупе имений, продаваемых от родственников родственникам от 30 апреля 1815 г. // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2255. Л. 1–8об.

³⁴ Арутюнов С. А., Рыжасова С. И. Культурная антропология. М., 2004. С. 166.

³⁵ Например, в семье помещиков Холмского уезда Анны и Ивана Челищевых было 7 сыновей: Яков, Лука, Иван, Василий, Артемий, Макар, Сергей (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1597. Л. 27об., 33об.).

³⁶ ГАТО. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 9. Л. 22–23об.

³⁷ Там же. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 92. Л. 1–1об.; Д. 89. Л. 3.

³⁸ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–2об.

³⁹ ТГОМ – КАШФ. РККД. КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1–1об.

⁴⁰ «... пошли Господи чтоб ты... благополучно исправил все свои дела. А мы вот только что без вас два дня, а кажется очень уже много...». (Письмо В. А. Лихаревой к А. М. Лихареву от 4 августа 1850 г. // ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 65об.).

⁴¹ «Муж мой служа при Губернаторе Смоленском чиновником Особых поручений и по множеству дел в Смоленской Губернии до того обременен делами что не имеет времени заняться семейственными делами и вот уже шесть месяцев как муж мой отправлен по службе в Губернию за 300 верст от меня и одно только благодетельное устройство почт дает мне по крайне мере ту отраду чтоб иметь о нем сведение». (Письмо Е. Рачковской к А.В. Кафтыревой от 16 июня 1836 г. // ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.); «Вот все наши братья и мужья раздеться... Николаю придётся уехать и не один год жить в Твери, если он будет депутатом» (Письмо А. Бакуниной к В. А. Дьяковой от 12 мая 1858 г. // ГАТО. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 46. Л. 1об.).

⁴² «... с присовокуплением доверия любезнейшей сестре нашей Вере Логиновне и нашего уполномочия как по означенному имению так и по другим округам состоящему... во всем ей поручаем имением нам принадлежащим распорядиться...» – подтверждали в верящем письме на имя старшей сестры дворяне Вышневолоцкого уезда Тверской губернии полковник Н. Л. Манзей, подпоручики И. Л. и А. Л. Манзей, девица М. Л. Манзей (ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.).

ва. Изучение этих «сетей влияния» представляется существенным для понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности. Для женщин было характерно установление горизонтальных связей, создание «сети отношений» (термин К. Гиллиган) с многочисленными родными, знакомыми (в том числе и заочными), и вместе с тем написание писем означало для них постоянно возобновлявшееся переживание собственной субъективности (одновременно и конструирование идентичности).

Используя категорию «провинциальный» для характеристики русского дворянства, исследователи подчас невольно оказываются в зависимости от негативной ценностной коннотации, сопряжённой в русском языке и литературе⁴³ с понятием «провинциального». В контексте исторических исследований это выражается в оценке «столичного» как нормативного, а «провинциального» как девиантного и во многом предопределяет интерес именно к реалиям столичной повседневности. Последний поддерживается ещё и стремлением к популяризации наиболее «ярких» проявлений культуры «дворянского века», о чём свидетельствуют серийные издания «Былой Петербург» и «Россия забытая и неизвестная», посвящённые столичной жизни и светскому быту⁴⁴. Вместе с тем асимметричность такой оценки, на мой взгляд, очевидна. Важно учесть и то, что фактором национальной идентичности дворянок, естественно, по-разному проявлявшейся у провинциалок и столичных жительниц, была своеобразная российская «двустоличность», символически воспроизводившая известную дихотомию дворянской культуры, обращённой одной стороной к традиционному русскому быту, а другой – к западноевропейским образцам⁴⁵.

В реальных социокультурных условиях России провинциальные дворянки составляли подавляющее большинство по отношению к столичным, а провинциальные миры воплощали глубинный пласт корневой культуры, который либо вообще не был затронут европеизацией, либо подвергся ей весьма поверхностно. Важно изучать именно этот традиционный аспект

⁴³ См.: Русская провинция: Миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000; *Stroganova E.* «Приезжий из столицы» и «спящая красавица» (провинциалы и провинциалки в русской литературе XIX века) // *Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland* / Hrsg. von E. Cheauré, R. Nohejl und A. Napp. Würzburg, 2005. S. 387–395.

⁴⁴ *Гордин М. А.* Екатерининский век: Панорама столичной жизни: Кн. 1. СПб., 2004; *Гордин А. М., Гордин М. А.* Пушкинский век: Панорама столичной жизни. СПб., 1995; *Гордин Я. А.* Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб., 1997; *Лотман Ю. М., Погосян Е. А.* Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб., 1996; *Парчевский Г. Ф.* Карты и картежники: Панорама столичной жизни. СПб., 1998; *Гордин Я. А.* Мистики и охранители: Дело о масонском заговоре. СПб., 1999; *Муравьева И. А.* Век модерна: Панорама столичной жизни. СПб., 2001. Т. 1; *Гордин М. А.* Любовные ереси: Из жизни российских рыцарей. СПб., 2002; Чудеса и чудотворцы. СПб., 2002; *Захарова О. Ю.* Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003; *Забозлаева Т. Б.* Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: Словарь (История. Терминология. Предметный мир). СПб., 2003.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: *Belova A.* Национальная и гендерная идентичность русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (*Die nationale und geschlechtliche Identität der russischen adligen Frau am Ende des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts*) // *Vater Rhein und Mutter Wolga...* S. 375–386.

дворянской культуры, что позволит решить чрезвычайно существенную проблему её функционирования на основе сохранения обычаев, традиций и родовых связей. Родовое начало и начало соборности, т. е. представление социальной общности как религиозного единства, относимые обычно к атрибутам народной культуры, в не меньшей степени определяли повседневную жизнь провинциальных дворянок. Наиболее явно это проявлялось в культуре религиозных праздников, в свадебной, родинной и крестильной обрядности.

Источником данной гипотезы является опровержение устоявшегося в российской историографии представления о дворянстве как об одном из сословий феодального общества или «классе-сословии». Примечательно, что вопрос о социальной природе дворянства остаётся не прояснённым и с точки зрения «россиеведения». Ядром этого нового направления «может быть только теория русской истории, а сердцевиной последней – теория Русской Власти»⁴⁶. В отсутствии же теории русской истории и наличии вместо неё мифологии⁴⁷ ими усматривается причина того, что «мы до сих пор не знаем четкого ответа на ряд вопросов, важных не только с научной точки зрения, но и с точки зрения практики, самопонимания»⁴⁸. В число таких вопросов, причём вторым пунктом из восьми, включается и вопрос о дворянстве XVIII–XIX вв.: «что такое господствующие группы России XVI–XIX вв., боярство и дворянство? это классы? если да, то какие – рабовладельческие, феодальные, иные? если нет, то что это?»⁴⁹.

Отвечая на вопрос о социальной природе российского дворянства XVIII – середины XIX в., следует сказать, что оно не было ни классом, ни сословием, а представляло собой основанную на воспроизводстве элементов родовой организации социальную общность, которая изнутри интегрировалась особым этосом (включавшим обязательность родовой идентификации, представление о чести как важнейшей категории экспрессивного порядка, нежелательность занятий торговлей, не преодоленную даже лишением права наследования доли семейной недвижимости⁵⁰ и другие черты), национальными обычаями и традициями, а извне маркировалась как европеизированное сословие. В реальности сословный принцип был юридической фикцией, конструктом, создаваемым с целью унификации достаточно аморфной социальной структуры России XVIII в. Поэтому рецепция

⁴⁶ Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. М., 1998. Т. 1. № 1. С. 5.

⁴⁷ Там же. С. 14.

⁴⁸ Там же. С. 17.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Не случайно одновременно с введением в 1714 г. принципа майората в отношении распоряжения дворянской земельной собственностью и ориентированием младших сыновей, лишенных недвижимости, на занятия коммерческой деятельностью была предпринята попытка законодательно защитить тех, кто «захотят идтить в чин купеческой», от сопряженного с этим нарушения негласных норм дворянской этики и предписывалось «не ставить ни в какое безчестие им и их фамилиям, ни словесно ни письменно». См.: ПСЗ-1. Т. 5. № 2789. П. III.15.

элементов западноевропейской повседневности – модных стилей в архитектуре и интерьере жилищ, в предметах обихода, рационе питания, одежде, образе жизни, организации досуга – должна была в известной мере компенсировать отсутствие адекватной сословной идентификации, способной заменить традиционные формы представления дворянства как родовой общности и конфессионального единства. Важно понять, какое место в организации дворянской общности отводилось традиционному и вновь созданному порядку полов («диспозиции полов»), как они соотносились друг с другом. При этом специальному анализу подлежат женские и мужские «сценарии» и стратегии жизни, социальные и гендерные роли в культуре. Именно исходя из внутренней родовой, этической природы дворянского сообщества, ядро которого составлял ограниченный круг родовитого («древнего») дворянства, оберегавшего свою замкнутость недопущением мезальянсов, а не из внешней юридической формы его описания как служилого сословия мужчин, обладавших в силу этого рядом привилегий, можно выявить и проанализировать те многообразные роли, которые играли в этом сообществе женщины, их участие в трансляции и репродуцировании различных жизненных этно- и социокультурных опытов, включая структурирующий, хозяйственный, религиозно-нравственный, коммуникативный, опыт социализации детей обоего пола и др. В совокупности с прочими характеристиками это позволяет интерпретировать дворянскую культуру XVIII – середины XIX в. как традиционный тип культуры.

Наряду с представлением о значимости провинциальных миров для сохранения традиционности русского быта, несмотря на все европеизации, частью моей гипотезы является утверждение о преодолении различий в образах жизни столичных и провинциальных дворянок, грань между которыми благодаря сезонным миграциям, в известном смысле, представляется условной и «подвижной». Провинциальный образ жизни могли вести столичные дворянки, выезжая на лето в свои родовые загородные имения⁵¹ или отправляясь погостить в имения родных и друзей⁵². Напротив, представительницы провинциального дворянства нередко перебирались на зиму в столицы⁵³. Туда же они часто направлялись и на время многочисленных родов⁵⁴, и для того, чтобы обновить гардероб⁵⁵ (как заметила одна вышне-

⁵¹ «Мы уезжали из города в апреле месяце и возвращались только в ноябре» (Головина В. Н. Мемуары. М., 2005. С. 15).

⁵² «Я нынешняя лето раз'езжала все по гостям была в разных Губерниях и в Орловской, и в Тульской, перед праздником только возвратилась домой...» (Письмо П. Долгоруковой к Е. Н. Лихачевой от 31 декабря 1817 г. // ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 5).

⁵³ Например, Е. Н. Лихачева, проживая большую часть времени на территории Кашинского уезда Тверской губернии, зимы обычно проводила до 1818 г. в Москве, а, начиная с 1818 г., – в Санкт-Петербурге: «... к крайнему моему сожалению узнала, что вы не будете уж никогда приезжать в Москву а располагаетесь проводить зимы в Петербурге...» (Письмо П. Долгоруковой к Е. Н. Лихачевой от 31 декабря 1817 г. // ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 5).

⁵⁴ Неоднократные переезды из «Танбовской деревни» в Москву «по поводу жениных родин» упоминает в своих мемуарах М. П. Загряжский. См.: Загряжский М. П. Записки (1770–1811) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Т. 2. С. 157, 160, 162.

волоцкая дворянка, «в Волочке так дурно шьют уж четыре платья испортили») ⁵⁶. Неоднозначность формальной классификации дворянок по локальному признаку заставляет переносить акцент на анализ собственно этоса дворянской культуры, т. е. внутренних культурных норм, организующих единство дворянской социальной общности, и, непосредственно, женского этоса, сочетавшего антропологическое измерение с социокультурным, подверженным влиянию гендерных предписаний.

При этом неизбежно возникает вопрос не только о том, кого считать провинциальными дворянками, но и какова их позиция внутри своей культуры. Провинциальные дворянки оказываются в позиции двойной, а то и тройной маргинальности: как нестоличные жительницы по отношению к столичным дворянкам, как женщины по отношению к «своим» мужчинам, как нестоличные женщины по отношению к столичным мужчинам.

Отличия провинциальной повседневности бросались в глаза столичным жительницам при первом же визуальном контакте с обитательницами провинциального города или сельской усадьбы. Маргинальность последних конструировалась через дискурсы инверсии и иронии, к которым прибегали столичные дворянки в переписке с женщинами «своего круга» – подругами и родственницами. Провинциалки казались им «смешными», потому что, с их точки зрения, «не так, как должно» (иногда даже не так, как должно дворянкам): выглядели, одевались, вели себя, распоряжались бюджетом времени. При этом столичных жительниц удивлял не сам факт наличия «другого», а неуместность проявлений этого «другого» (внешнего облика, манеры одеваться, вести и занимать себя) в конкретных ситуациях повседневной жизни, даже в определенное время суток, как в публичном ⁵⁷, так и в частном ⁵⁸ пространстве. Дискредитирующе в отношении провин-

⁵⁵ Письмо П. Рыкачевой к В. Л. Манзей от 9 июля 1836 г. // ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 61.

⁵⁶ Письмо М. Л. Манзей к В. Л. Манзей от 25 мая 1836 г. // ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 35.

⁵⁷ «Вчера в первый раз, с тех пор как я в Тамбове, была я на обеде, данном для матушки одним из богатейших здешних помещиков. Здесь для меня все ново и есть, что изучать. <...> Что касается женщин, только губернаторша – милая особа, остальные нестерпимы. Все с претензиями крайне *смешными* (выделено мной. – А. Б.). У них изысканные, но нелепые туалеты, странный разговор, манеры как у кухарок; притом они ужасно жеманятся, и ни у одной нет порядочного лица. Вот каков прекрасный пол в Тамбове!» (Письмо М. А. Волковой к В. А. Ланской от 2 декабря 1812 г. // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 316).

⁵⁸ «Она зовет нас к чаю, а тем временем приказывает запретить коляску и приступает к туалету; посуды, каково было мое изумление, когда я увидела 30-летнюю женщину, разряженную, как на бал, но в 6 часов утра; платье из гроденапля, причесана в три этажа, были тут косы, букли, ленты, громадный гребень. Я начала с извинений, что обеспокоила ее в такую рань, а она мне отвечает, что встала уже в 4, ибо совсем больна, и в самом деле, она пахла Гофманскими каплями, как аптека, она мне говорит, *я мучусь спазмами и Гистерикой* (выделено в оригинале. – А. Б.). Кусая губы, чтобы не рассмеяться, я рекомендовала ей разные средства, ты знаешь, как я это люблю; если б нужны были ей пивявки, я в ту же минуту готова была бы ей их поставить, как я уже делала это покойной *Дарье Герасимовне* (выделено в оригинале. – А. Б.); наконец, эта добрая и *смешная* (выделено мной. – А. Б.) г-жа *Храповицкая* (выделено в оригинале. – А. Б.) уго-

циалок звучит акцентирование таких поведенческих стратегий, которые сами по себе не являлись негативными для столичных дворянок, например внимание к собственной внешности, туалету, здоровью, более раннее, чем в столицах, начало дня.

Вместе с тем, называя столичную дворянку «Петербургской Франтихой»⁵⁹, обитательница провинции, не претендовавшая на «светскость», точно так же иронизировала над её увлечением модными туалетами, которые с функциональной точки зрения не оправдывали себя в условиях деловой активности в имении. Женщина, которая «сей час была на гумне», где наблюдала за тем, как «девятой скирд кладется»⁶⁰, у которой «на гряде возле спаржи сидят маленькия ксеры штук 20», и, которая умела «их осторожно вынуть, обернуть в мокрый мох, оставив возле корня часть земли, положить в корзиночку, sprysнуть, закрыть сырою травую сверху»⁶¹, разумеется, ощущала себя комфортно в «простиньком»⁶² платье, как, впрочем, и иностранка-художница, которая в эмиграции «жила только портретами»⁶³ и потому «всегда носила только простые муслиновые платья»⁶⁴. Принимая столичную гостью в родовом имении, провинциальная дворянка меняла свою обычную, повседневную одежду на более нарядную, праздничную⁶⁵, видя в этом визите, в отличие от посещений соседей, событие, нарушающее её повседневность.

Поскольку время, в котором реализовывалась российская дворянская повседневность XVIII – середины XIX в., – сверхмедленное, и «структуры повседневности» являлись реальностями «длительных циклов», важно понять, можно ли выявить элементы динамики в эволюции повседневных опытов людей, каково соотношение в них неизменного и «нового». Это соотносится с заключением Ж. Дюби и М. Перро об «истории женщин», названной ими также «историей *longue durée*, историей большой временной протяженности»⁶⁶. В частности, французские учёные утверждают: «Исто-

---

щает нас чаем и кофе и отправляет в Тверь...» (Письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлищевой от 8 мая 1833 г. // «Мир Пушкина». СПб., 1993. Т. 1. С. 151–152).

⁵⁹ Письмо М. Л. Манзей к В. Л. Манзей от 18 июня 1836 г. // ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 23.

⁶⁰ Письмо В. А. Лихаревой к А. М. Лихареву от 4 августа 1850 г. // ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 66.

⁶¹ Письмо В. А. Дьяковой к Н. Н. Дьякову. Б/д // ГАТО. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

⁶² ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 61.

⁶³ *Виже-Лебрэн Э.* Из писем к княгине Куракиной. Письмо двенадцатое // Воспоминания г-жи Виже-Лебрэн о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве, 1795–1801. СПб., 2004. С. 209.

⁶⁴ *Виже-Лебрэн Э.* Воспоминания о пребывании в Санкт-Петербурге и Москве // Воспоминания г-жи Виже-Лебрэн о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. С. 11.

⁶⁵ «... Платочки прекрасны один из них я уже обновила на днях была у нас Петербургская Франтиха... и я для нее принарядилась башмачки одне рантавые только в пору и то немножко усковаты но для гостей можно надеть а другие мне очень жаль такие прекрасные но никак нейдут...» (Письмо М. Л. Манзей к В. Л. Манзей от 18 июня 1836 г. // ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 23).

⁶⁶ *Дюби Ж. и Перро М.* Рассказывая историю женщин // История женщин на Западе: В 5 т. СПб., 2005. Т. 1. С. 19.

рию женщин часто считают статичной, и, действительно, она сопротивлялась переменам до такой степени, что временами казалась совершенно неизменной. Но всё же изменения происходили, и сначала стоит вопрос об определении оных и затем – о выяснении, на какие аспекты жизни они влияли»⁶⁷. При меньшем динамизме, большей размеренности и консерватизме провинциальной повседневности, некоторые социокультурные условия, накладывавшие ограничения на индивидуальные самопроявления дворянок, отменялись в ней гораздо легче, чем в условиях неукоснительного соблюдения норм столичного этикета. Это касалось, как одного из наиболее ярких примеров, европейской традиции ношения жёсткого корсета⁶⁸, которая относится к практикам «переделки» женского тела, обусловленным мотивацией превращения женской телесности в объект мужского сексуального внимания. К концу 60-х гг. XIX в. провинциальная повседневность допускала освобождение женщин от обязательного ношения корсета исходя из функциональной целесообразности, а не культурных предписаний. Провинциальные дворянки, не носившие корсетов регулярно, острее своих столичных подруг ощущали сопряженный с этим дискомфорт: «... ты... не понимаешь, привычная к корсету, что в нем неловко»⁶⁹.

Изучение женской дворянской повседневности исходит из того, что историю повседневности интересуют, во-первых, «обычные люди» в их ежедневных взаимоотношениях и взаимосвязях, их опыты ежедневной жизни, во-вторых, особенности организации и восприятия ими того «вещного мира», в котором протекала их обыденная жизнь, и, в-третьих, ментальный склад, проявляющаяся изо дня в день эмоциональность как выражение их индивидуальностей, разнообразие женских субъективностей, отношение субъективных опытов к общественному контексту. Причём эти три аспекта особым образом детерминированы как исторической ситуацией, так и сложным напластованием идентичностей – этнической, конфессиональной, социокультурной, половозрастной, национальной, гендерной⁷⁰. Особую роль играет локальная идентичность, ведь смена «локуса» – это не просто перемещение в пространстве, а изменение всей повседневной жизни, включая такие её элементы, как устройство жилища, виды занятий и одежды, рацион и режим питания, речевая и письменная практика. Именно локальный аспект был подвержен действию совокупности факторов, таких, как климатические условия, социальное окружение, культурно-бытовые традиции, политические события⁷¹.

⁶⁷ Дюби Ж. и Перро М. Рассказывая историю женщин... С. 19.

⁶⁸ Подробнее об этой традиции см.: Shorter E. Verteufelung des Korsetts // Shorter E. a.a. O. S. 47–50. Также см.: Кирсанова Р. М. Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М., 2002. С. 21–23, 165–166.

⁶⁹ Письмо Н. Д. Хвошинской к О. А. Новиковой от 13 февраля 1869 г. // «Я живу от почты до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвошинской. Fichtenwalde, 2001. С. 204.

⁷⁰ Подробнее см.: Belova A. Национальная и гендерная идентичность... S. 375–386.

⁷¹ О своеобразии «переживания» дворянкой вынужденной смены привычной повседневности см.: Белова А. В. «Вот каков прекрасный пол в Тамбове!»: гендерная дифференциация там-

Значение анализа женской повседневности на примере повседневной жизни российских дворянок доиндустриального времени (как одного из вариантов прикладных изысканий) для современных этнологических исследований определяется возможностью на его основе изучить дворянство «изнутри», проследить динамику этнокультурного развития дворянской общности в зависимости не столько от внешних макроизменений в социально-экономической и идейно-политической сферах, сколько от внутренних трансформаций ментальности и этоса, по-разному проявлявшихся у представителей обоих полов. Одна из перспектив в изучении женской повседневности заключается в сопоставлении опытов женской ментальности и телесности, в реконструкции «пережитой истории» в её антропологическом измерении.

Постановка проблемы женской повседневности применительно к повседневной жизни российских провинциальных дворянок показывает, что результаты такого исследования позволят уяснить не только особенности самих повседневных опытов и переживаний, но и специфику гендерных отношений и идентичностей в культурной модели России, а возможно, и уточнить характеристику российской гендерной системы. Изучение женской повседневности как способа исторической интерпретации человеческих субъективностей в их многообразных проявлениях может стать в отечественной историографии, как и в западных национальных историографиях, одним из реальных вариантов перехода от событийно-политизированной истории структур к антропологизированной гендерно чувствительной социальной истории. Эта обновлённая социальная история, написанная как история гендерных отношений⁷², «ориентированная, – по мнению историографа Л. П. Репиной, – на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, предельно широко понимаемая»⁷³, будет включать в себя важнейшей составляющей «пережитую» историю многих «субъективных реальностей», основанную на качественных методах. Под такими методами историки, участвующие в созидании истории повседневности, имеют в виду так называемое «вчитывание в текст», или метод «глубокого чтения», «выяснение мотиваций» и внутренних интенций как способ понимания субъективностей, ведение диалога с авторами текстов, отказ от дистанцирования от них и псевдообъективности, а напротив, «вживание и вчувствование (эмпатию)», ведущие, по словам Н. Л. Пушкарёвой, к «более субъективированному знанию, нежели знание, получаемое с помощью традиционного этно-

---

бовского дворянского общества в письмах московской барышни // От мужских и женских к гендерным исследованиям: Материалы междунар. науч. конф. Тамбов, 2001. С. 13–18.

⁷² Репина Л. П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2001. № 1. С. 19.

⁷³ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 72.

графического или исторического описания»⁷⁴, «этнографические и социологические методы *включённого наблюдения*», наконец, особый исследовательский дискурс, предполагающий «собственное эмоциональное восприятие» людей прошлого, или, по Ф. Анкерсмит, «право историка на личный “исторический опыт”, на выражение своей индивидуальности в тексте исторического нарратива»⁷⁵.

Литература:

- Артановский С. Н.* Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука / Под ред. Ю. В. Маретина и Б. Н. Путилова. Л., 1979.
- Белова А. В.* Понятие «повседневность»: историческое содержание и культурные смыслы // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2007. Вып. 3.
- Белова А. В.* «Вот каков прекрасный пол в Тамбове!»: Гендерная дифференциация тамбовского дворянского общества в письмах московской барышни // От мужских и женских к гендерным исследованиям: Материалы междунар. науч. конф. 20 апреля 2001 г. / Отв. ред. П. П. Щербинин. Тамбов, 2001.
- Бернштам Т. А.* Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Богословский М. М.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М., 1906.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1909.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- Гордин А. М., Гордин М. А.* Пушкинский век: Панорама столичной жизни. СПб., 1995.
- Гордин М. А.* Екатерининский век: Панорама столичной жизни: Кн. 1. СПб., 2004.
- Гордин М. А.* Любовные ереси: Из жизни российских рыцарей. СПб., 2002.
- Гордин Я. А.* Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб., 1997.
- Гордин Я. А.* Мистики и охранители: Дело о масонском заговоре. СПб., 1999.
- Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991.
- Дюби Ж. и Перро М.* Рассказывая историю женщин // История женщин на Западе: В 5 т. СПб., 2005. Т. 1: От древних богинь до христианских святых.

⁷⁴ *Пушкарёва Н. Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.

⁷⁵ *Зверева Г. И.* Рецепция микроисторического подхода к изучению прошлого в «новой философии истории» // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7. С. 53.

- Забозлаева Т. Б.* Драгоценности в русской культуре XVIII–XX веков: Словарь (История. Терминология. Предметный мир). СПб., 2003.
- Зверева Г. И.* Рецепция микроисторического подхода к изучению прошлого в «новой философии истории» // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. 1998. № 7.
- Кизеветтер А. А.* Русское общество в XVIII столетии. Ростов н/Д, 1905.
- Кирсанова Р. М.* Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М., 2002.
- Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология. М., 1998. С. 14.
- Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие, 1762–1885. СПб., 1906.
- Лотман Ю. М., Погосян Е. А.* Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб., 1996.
- Муравьёва И. А.* Век модерна: Панорама столичной жизни. СПб., 2001. Т. 1.
- Парчевский Г. Ф.* Карты и картежники: Панорама столичной жизни. СПб., 1998.
- Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. М., 1998. Т. 1. № 1.
- Пушкарёва Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.
- Пушкарёва Н. Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5.
- Репина Л. П.* Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Адам и Ева: Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2001. № 1.
- Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998.
- Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912.
- Смиречанский В. Д.* Дворовые и соседи А. С. Пушкина в Михайловском в 1825 г. // Из Псковской старины. Псков, 1916. Т. 1.
- Троцкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке: Формирование бюрократии. М., 1974.
- Троцкий С. М.* Россия в XVIII веке: Сб. ст. и публикаций. М., 1982.
- Чечулин Н. Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: Исторический очерк. СПб., 1889.
- Щеголев П. Е.* Пушкин и мужики. М., 1928.
- Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
- Belova A.* Национальная и гендерная идентичность русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (Die nationale und geschlechtliche Identität der russischen adligen Frau am Ende des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts) // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / Hrsg. von E. Cheauré, R. Nohejl und A. Napp. Würzburg, 2005.

Shorter E. Der weibliche Körper als Schicksal: Zur Sozialgeschichte der Frau / Aus dem Amerikanischen von H. Kober. 2. Auflage. München; Zürich, 1987.

Shorter E. Verteufelung des Korsetts // *Shorter E.* Der weibliche Körper als Schicksal: Zur Sozialgeschichte der Frau / Aus dem Amerikanischen von H. Kober. 2. Auflage. München; Zürich, 1987.

Stroganova E. «Приезжий из столицы» и «спящая красавица» (провинциалы и провинциалки в русской литературе XIX века) // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / Hrsg. von E. Cheauré, R. Nohejl und A. Napp. Würzburg, 2005.

A. V. Belova

«WOMEN'S EVERYDAY» AND TRADITIONS OF THE NOBLE CULTURE IN RUSSIA AT THE XVIIITH – THE MIDDLE OF THE XIXTH CENTURY

Summary

The article is an analysis of the unexplored problem of women's everyday in the Russian noble culture at the XVIIIth – the Middle of the XIXth century in the context of new directions of the Russian historiography – of the history of everyday life, the history of women and gender. Using ego-documents, such as memoirs, diaries, letters, the author specifies the importance of the historical and ethnological study of Russian noblewomen's daily life in the light of an anthropologically informed and gender-sensitive social history.

Keywords: Women's everyday, history of everyday life, gender, ethnology and anthropology of the noble culture, traditional culture

---